

М. МУСОРГСКИЙ
БОРИС
ГОДУНОВ

Народная музыкальная драма
в 4 действиях с прологом

МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

M. MUSORGSKY
Boris
Godunov

Folk Musical Drama in 4 Acts
with Prologue

ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАММОПЛАСТИНОВОК

MADE IN USSR

М. Мусоргский

МУСОРГСКИЙ БОРИС ГОДУНОВ

Народная музыкальная драма
в 4 действиях с прологом

СОЛИСТЫ, ХОР И ОРКЕСТР БОЛЬШОГО ТЕАТРА СССР

Дирижер АЛЕКСАНДР МЕЛИК-ПАШАЕВ

“Яразумею народ, как великую личность, Ядушевленную единой идеей. Это моя задача. Я попытался разрешить ее в опере”. Так М. П. Мусоргский определил идейный замысел оперы “Борис Годунов”.

Даже после “отечественной героико-трагической” оперы Глинки “Иван Сусанин”, было неслыханным, чтобы так правдиво показать на оперной сцене народную крестьянскую массу и отвести ей в построении оперного действия такое значительное место, как это сделал Мусоргский. Впервые в русскую оперу вошли шестидесятилетние годы, впервые в ней зазвучали жалобы угнетенного народа, его стоны и его ярость. Революционный замысел оперы ярко

выступает в гениальной сцене народного восстания “Под Кромами” (финальная картина). Как взрыв народного негодования против царя Бориса и “борисовых щенков”, в которых народ видит главных виновников всех бедствий, несетя, сметая все на своем пути, могучая песня об удали молодецкой, о мятежной силе народа.

Мысль об опере на сюжет исторической трагедии Пушкина подал Мусорскому его друг и почитатель, историк русской словесности В. В. Никольский. Это было в 1868 году. К этому времени в творчестве Мусоргского отчетливо обозначились тяготение к изображению русской народной жизни и великий демократический

талант художника-реалиста. С необычайным пылом взялся он за предложенный сюжет исторической оперы. Одновременно с сочинением музыки Мусоргский с головой погрузился в изучение исторических материалов эпохи. В этом ему помогал В. В. Стасов. По просьбе Мусоргского он разыскивал для него тексты народных песен, снабжал сведениями, почерпнутыми из различных исторических источников.

К 15 декабря 1869 года опера (заканчивавшаяся в то время сценой смерти Бориса) была представлена композитором на суд театральной дирекции и... забраквана! Как писал Римский-

Корсаков: “Новизна и необычность музыки поставили почтенный комитет в тупик”.

По настоянию друзей Мусоргский вновь обратился к опере и подверг ее основательным переделкам. В новую редакцию оперы, помимо многочисленных мелких добавлений, были внесены две польские картины (Марина Мнишек в Сандомире, любовная сцена у фонтана), а также сцена народного восстания под Кромами. Существенные изменения претерпела сцена в царском тереме, по сравнению с ее первой редакцией значительно более расширенная; в нее вошли новые многочисленные эпизоды, рисующие “быт царского терема”, заимствованные Мусоргским из “Истории государства Российского” Карамзина (песня мамки про комара, игра в хлест, рассказ Феодора о попке, знаменитые куранты); переработке подверглись и музыка вступитель-

ного плача Ксении и монолог Бориса. Из первой редакции оперы во вторую не вошла сцена у собора Василия Блаженного.

Вторично представленная в театр, опера снова была отвергнута, и только благодаря артистке Ю. Платоновой, поставившей условием своего пребывания в театре постановку оперы Мусоргского “Борис Годунов”, хотя и со значительными урезками, был поставлен. Премьера состоялась 27 января 1874 года в Петербурге. Еще до этого три картины оперы (две польские картины и сцена в корчме) были даны в том же театре в бенефис режиссера Т. Кондратьева 5 февраля 1873 года. На сцене Большого театра в Москве “Борис Годунов” в первый раз был поставлен уже после смерти Мусоргского—16 декабря 1888 года. По установившейся традиции, опера шла без сцены в келье и без сцены

под Кромами.

Последующая сценическая жизнь оперы неразрывно связана с ее новой редакцией, сделанной Н. А. Римским-Корсаковым (1896 г.). Крупнейшим событием в ее истории явилось участие Ф. Шаляпина в заглавной партии (впервые Шаляпин исполнил эту роль 7 декабря 1898 г. в театре С. И. Мамонтова в Москве).

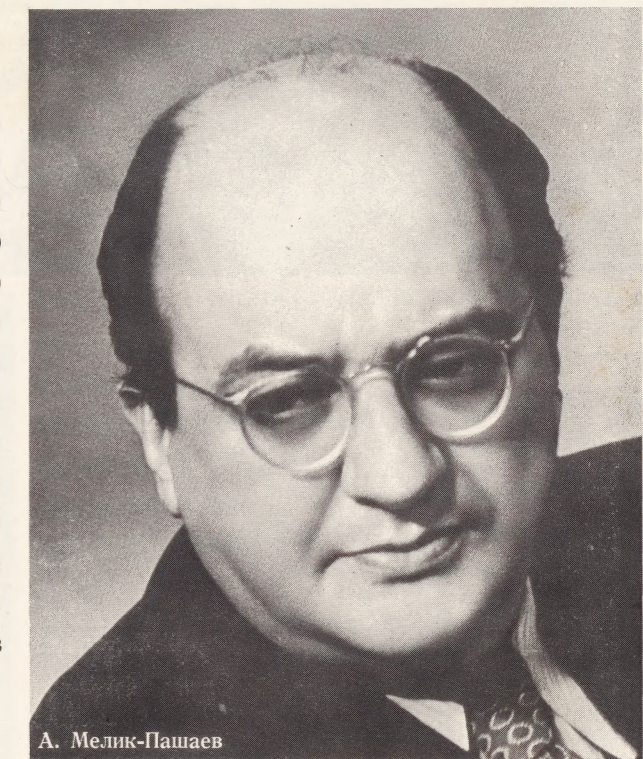
В СССР “Борис Годунов” ставится почти во всех оперных театрах страны. Опера идет в редакции Римского-Корсакова, но с включением в нее отсутствующей у Римского-Корсакова сцены перед собором Василия Блаженного (инструментовка М. М. Ипполитова-Иванова). Как и у Мусоргского, опера заканчивается сценой народного восстания под Кромами.

Действующие лица и исполнители

Борис Годунов.....	Иван Петров (бас)
Феодор } дети Бориса	{ Валентина Клепацкая (меццо-сопрано)
Ксения }	{ Тамара Сорокина (сопрано)
Мамка Ксении	Евгения Вербицкая (меццо-сопрано)
Князь Василий Иванович Шуйский	Георгий Шульпин (тенор)
Шелкалов, думный дьяк	Алексей Иванов (баритон)
Пимен—летописец отшельник	Марк Решетин (бас)
Самозванец под именем Григория	Владимир Ивановский (тенор)
Марина Мнишек, дочь сандомирского воеводы	Ирина Архипова (меццо-сопрано)
Рангони, тайный иезуит	Евгений Кибкало (баритон)
Варлаам } беглые монахи	{ Алексей Гелева (бас)
Мисаил }	{ Николай Захаров (тенор)
Хозяйка корчмы	Вероника Борисенко (меццо-сопрано)
Юродивый.....	Антон Григорьев (тенор)
Никитич, пристав	Леонид Ктиторов

Солисты, хор и оркестр Большого театра Союза ССР

Дирижер Александр Мелик-Пашаев

А. Мелик-Пашаев

ПРОЛОГ Первая картина

Еще до поднятия занавеса в оркестре звучит протяжная скорбная мелодия обездоленного народа. У Ново-Девичьего монастыря собирается народ. Никто толком не знает, зачем. Вот в воротах показывается пристав. Угрожая дубинкой, он приказывает молить Бориса вступить на престол. Народ жалобно причитает: “На кого ты нас покидаешь, отец наш”. У наблюдательного Митюхи спрашивают: “Митюх, а Митюх, чего орем”. “Вона, почему я знаю”.

В воротах монастыря появляется думный дьяк Шелкалов. Обращаясь к народу, он

говорит о нежелании Бориса стать царем: “Неумолим боярин!...”

Доносится пение калек перехожих. “Святые старцы” призывают народ “облекаться в ризы светлые” и “выходить царю во сретенье”.

Вторая картина

Площадь в Московском Кремле. Торжественно звучат колокола. Народ величает нового царя: “Уж как на небе солнцу красному—слава!” Появляется Борис Годунов. Зловещее предчувствие сковало его сердце (“Скорбит душа”). Картина завершается обрядом коронации.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ Первая картина

Келья в Чудовом монастыре. Небольшое инструментальное вступление воспроизводит однообразный скрип пера монаха-летописца: “Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя”. Начинает светать. За сценой слышится пение монахов. В волнении просыпается Григорий. Неотвязный проклятый сон—будто он взбирается по крутой лестнице, с высоты которой видна вся Москва,—не давал ему покоя. Стараясь заглушить честолюбивые помыслы юноши, Пимен рассказывает ему о царях, которые часто меняли “свой посох

Борис—Иван Петров
Boris—Ivan Petrov
Boris—Ivan Petrov

царский на иноков клобук смиренный”. Григория больше всего интересует смерть царевича Дмитрия.—“Он был бы твой ровесник и царствовал...”—При этих словах Григорий весь преобразается (в оркестре возникает широкая песенная тема царевича Дмитрия; в дальнейшем она будет сопровождать не только каждое упоминание об убитом младенце, но и каждое появление Самозванца). Звонят к заутрене. Летописец Пимен уходит. В келье остается один Григорий:

Борис! Борис! Всё пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца;
А, между тем, отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда людского,
Как не уйдешь от божьего суда!

Вторая картина

Корчма на литовской границе. Сценическому действию предшествует оркестровое вступление: одна за другой проходят три темы, характеризующие беглых монахов Варлаама и Мисаила и Григория-самозванца, через заставу пробирающегося в Литву. При открытии занавеса хозяйка корчмы, прихорашиваясь, напевает веселую песню о сизом селезне. За сценой раздаются голоса, выпрашивающие подаяние. Входят “старцы честные” Варлаам и Мисаил, с

ними переодетый в крестьянскую одежду Григорий. Пока хозяйка готовит угощение, Варлаам пытается выведать у Григория причину его озабоченности... Со штофом в руке монах поет разудалую песню о походе грозного царя на Казань-город (“Как во городе было во Казани”). Горечь, бездонная тоска человека, которого лишь беспросветная жизнь довела до пьянства и бродяжничества, слышатся в другой его песне (“Как едет ён”), которую он поет, уже окончательно охмелев, грузно привалившись к столу. Тем временем Григорий выпрашивает у хозяйки, как пробраться в Литву, и узнает, что повсюду расставлены заставы: “Кто-то бежал из Москвы, так велено всех задерживать...” Неожиданно раздается стук в дверь, и в корчму вваливаются пристава. Их появлению предшествует мотив тупого, понукающего характера. Испуганные монахи вскакивают и начинают голосить: “Старцы смиренные, иноки честные, ходим по селеньям, собираем милостыньку”. Вид Варлаама внушает приставам надежду на поживу. Достав указ о бежавшем еретике Гришке Отрепьеве, они суют его оторопелому монаху. Как единственный грамотей среди присутствующих, Григорий вызывается прочесть указ. Поглядывая на Варлаама, он перечисляет его приметы: “Борода

седая, брюхо толстое, нос красный”. На Варлаама набрасываются, но, отбросив всех в сторону, бродяга выхватывает у Григория указ и решает сам прочесть: “Хоть по складам умею, а разберу, коль дело до петли доходит”. Обман изобличен. Беглеца узнали. Но Григорий успевает выскочить в окно и скрыться.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Царский терем в Московском Кремле. Ксения, дочь Бориса Годунова, неутешно плачет по своему погибшему жениху. Стараясь ее развеселить, мамка поет песенку про комара. Федор, сын Годунова, придумывает игру в хлест. Неожиданно входит Борис. Ласково утешает он горящую Ксению, с радостью взирает на сына, склонившегося над картой “чертежа земли московской”. Тяжелые неотступные мысли терзают Бориса. “Ни жизнь, ни власть, ни славы оболщенья” не веселят его душу. Смятение охватывает его при мысли об окровавленном младенце Дмитрие, убийцей которого народ и считает его—Бориса.

Монолог Бориса прерывают внезапные крики за сценой (“Кыш, кыш”). Возвратившийся Федор объясняет причину происшедшей суматохи: попинька “поклевал” всех мамок, они и подняли

шум...

Входит Шуйский. С притворным сожалением, вкрадчивым голосом сообщает он о появлении в Литве самозванца, нарекшего себя Дмитрием, и, желая поразить больное воображение Бориса, он рассказывает подробности убийства царевича. Борис не выдерживает: “Довольно!” Шуйский уходит, внутренне торжествуя свою победу. Бьют куранты, и в их музыке галлюцинирующему сознанию Бориса кажется, будто что-то “кольшется, растет, близится...”, и он видит перед собой окровавленного младенца. Драматическое напряжение достигает своего наивысшего выражения. “Чур, чур!... Не я... не я твой лиходей!”

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина

В Сандомирском замке девушки песнями развлекают скучающую Марину Мнишек. Хор “На Висле лазурной” отличается изяществом, грацией. Ария Марины “Как томительно и вяло”, выдержанная в ритме мазурки, рисует портрет гордой, надменной польки.

Честолюбивая полька, мечтающая занять престол московских царей, хочет пленить Само-

званца. В интересах католической церкви этого же требует от нее иезуит Рангони.

Вторая картина

К фонтану в саду на свидание с Самозванцем обещала придти Марина. Звучит упоительная музыка симфонического вступления. Самозванец мечтает о своей возлюбленной.

Под звуки полонеза через сад проходит пышная процессия гостей. Впереди Марина под руку со старым паном. Воинственные кавалеры бахвалятся предстоящим покорением Московского царства. Но вот голоса смолкли. Вновь появляется Самозванец, навстречу ему выходит Марина. “О, как томительно и вяло длились минуты ожидания!” Но красавица высмеивает и резко обрывает любовные излияния своего избранника. “Нет, не для речей любви” пришла она. Из-за любви он забыл о престоле, о борьбе с царем Борисом. “Прочь, бродяга дерзкий!... Холоп!”

Оскорбленный, Григорий напоминает ей о своем царском призвании. Воинственно звучит тема царевича. Спеша исправить ошибку, Марина клянется Самозванцу в нежной любви. Взаимные уверения, восторг, оболщенье—все сливается в единый порыв.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина

Площадь перед собором Василия Блаженного в Москве. В соборе проклинают самозванца. А в народе Гришку считают спасшимся царевичем. Рассказ Митюхи о том, как здоровенный дьякон провозгласил Гришку анафему, вызывает общий смех: “Царевичу плевать, что Гришку проклинают... Уж под Кромь, бают, подошел!.. На помощь нам, на смерть Борису и борисовым щенкам”. Старики останавливают неосторожных, напоминая им о дыбе и застенке.

На сцену вбегает Юродивый в веригах, преследуемый толпой мальчишек. Усевшись на камень, он поет бессмысленную, жалобную песенку: “Месяц едет, котенок плачет”. Озорники окружают Юродивого, отнимают у него копеечку и убегают. Юродивый заливается горькими слезами. Стоном стонет голодный люд. Из собора показывается Борис, за ним—Шуйский, бояре. Со всех сторон тянутся к царю руки: “Хлеба, хлеба! Дай голодным!” Затаенная угроза слышится в этих страшных воплях народного отчаяния. Хор затихает и снова переходит в плач Юродивого: “Борис! а Борис! обидели Юродивого... Мальчишки отняли копеечку, вели-ка их зарезать, как ты зарезал маленького царевича”. Останавливая повелительным жестом Шуйского, приказавшего арестовать блаженного, Борис просит его молиться за него. “Нет, Борис! Нельзя молиться за царя Ирода!...” Народ в ужасе расходится.

Сцена коронации
Scène of coronation
Scène de couronnement

Самозванец—Владимир Ивановский
Pretender—Vladimir Ivanovsky
Imposteur—Vladimir Ivanovski

Оставшись один, Юродивый снова затягивает свою песенку, полную безысходной тоски: “Лейтесь, лейтесь, слезы горькие. Скоро враг придет, и настанет тьма...”

Вторая картина

Грановитая палата в Московском Кремле. Боярская дума принимает решение сотворить суд над “разбойником, вором и бродягою”—самозванцем. Все сожалеют, что нет Шуйского. Появившийся Шуйский рассказывает боярам о кошмарных видениях Бориса. Рассказ его прерывает появление царя. Измученный, с полубезумным взглядом, он отгоняет от себя преследующий его призрак: “Чур, чур, дитя!...”

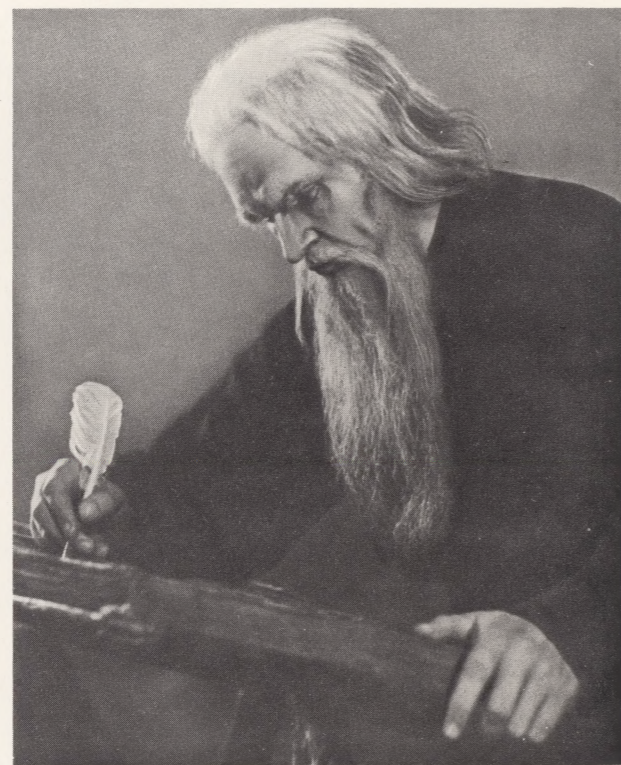
Придя в себя, Борис обращается к боярам за советом и помощью. Шуйский просит позволить привести старца, желающего поведать царю великую тайну. В оркестре появляется

суровая тема старого летописца. Входит Пимен. Его рассказ о мертвом царевице, которого народ произвел в святые мученики, звучит как приговор над царем-убийцей. С криком “Душно” Борис падает без чувств. На зов умирающего вбегает царица Феодора.—“Прощай, мой сын! Умираю...”—Исполненные царственного величия, звучат последние напутственные слова... За сценой раздаются протяжный удар колокола и погребальный перезвон, поют певчие. “Вот, вот царь ваш...”—указывая боярам на сына, Борис умирает...

Третья картина

Лесная прогалина под Кромами. Картину открывает небольшое вступление. Еще до поднятия занавеса слышны возбужденные крики. Толпа тащит связанного боярина и сажает его на пень. Перед расправой “борисова воеводу” решают “потехи ради повеличать”. Хор заводит величальную песню “Не сокол летит по поднебесью...” Окруженный мальчишками, на сцену вбегает Юродивый.

Пимен—Марк Решетин
Pimen—Mark Reshetin
Pimen—Marc Rechetine

Как и в сцене у собора Василия Блаженного, он поет свою жалобную песенку. Появляются Мисаил и Варлаам (“Солнце, луна померкнули...”) С упосрством заклинателей “долбят” они свой напев, возбуждая новый взрыв народной ненависти к Борису. Слово вышедшее из берегов море, несет и бурлит могучая песня народной вольницы “Расходилась, разгулялась сила, удал молодецкая...”

Неожиданно раздается церковное пение. Это поют свои латинские гимны шествующие впереди войск Дмитрия польские проповедники. С криком “Души ворон проклятых” толпа бросается на иезуитов, вяжет их и тащит в лес. Незваных пришельцев спасает лишь въезд Самозванца: слава “богом спасенного” царицы, толпа устремляется вслед за ним “в Москву, в золотоверхий Кремль”. Слышны глухие удары набата, вдали разгорается зарево сильного пожара. На сцене остается один Юродивый. Слово голос самой земли, разносится его жалобный стон: “Горе, горе Руси! Плачь, плачь, русский люд!”

MUSSORGSKY

BORIS

GODUNOV

Folk Musical Drama
in 4 Acts with Prologue

USSR BOLSHOI THEATRE SOLOISTS,
CHORUS AND ORCHESTRA
CONDUCTOR ALEXANDER MELIK-PASHAYEV

“I see the people as a single great personality inspired by one definite idea. That is my task, that is what I want to bring out in the opera,” said Mussorgsky of “Boris Godunov.”

Even after Glinka’s heroico-tragic opera “Ivan Susanin”, it was unheard of that the peasant masses to be given such prominence in an opera as Mussorgsky did. [For the first time the spirit of the 60ies was introduced on the Russian operatic stage, for the first time the complaints, the groans and fury of the oppressed were to be heard on it.] The revolutionary idea of “Boris Godunov” is clearly brought out in the brilliant scene of the uprising

(the final scene, “At Kromy”). The mighty song of the rebellious power of the people comes as an explosion of indignation against Tsar Boris and his offspring whom the people hold responsible for all their ills.

The idea of composing an opera based on Pushkin’s historical tragedy was suggested to Mussorgsky by his friend and admirer V.V. Nikolsky, an authority on history of the Russian language. That was in 1868. By this time Mussorgsky’s realistic talent and the appeal for Russian folk life had already become apparent in his music. He accepted the idea of writing a historical opera with enthu-

siasm. While composing the music he also plunged into a study of the historical material of the epoch. In this he was aided by V.V. Stasov, who at his request found the texts of countless folk songs for him and supplied him with information drawn from various historical sources.

By December 15, 1869, Mussorgsky had submitted the opera (which then concluded with the scene of Boris’ death) to the theatrical management. But it was rejected. As Rimsky-Korsakov wrote: “The novelty and unusual character of the music put the venerable committee in a quandary.”

At the insistence of his friends, Mussorgsky revised the opera. Besides numerous minor additions he introduced two Polish scenes (Marina Mniszek in Sandomir, the love scene at the fountain) and the scene of the popular revolt at Kromy. The scene in the tsar’s chamber was lengthened to include characteristic episodes borrowed from Karamzin’s “History of the Russian State” (the nurse’s song about the gnat, Prince Fyodor’s game, and his story about the parrot, and the famous chimes). The music of Ksenia’s introductory lament and of Boris’ monologue was also revised. A scene at St. Basil’s Cathedral, present in the original version, was omitted from the second.

Submitted to the theatre a second time, it was again rejected. Only at the insistence of the singer Yu. Platonova, who threatened to leave the theatre otherwise, was “Boris Godunov” at last produced, though with big cuts. The première took place in St. Petersburg on January 27, 1874. Before that three scenes (the two Polish scenes and the scene at the inn) were presented at a benefit performance for stage director T. Kondratyev (February 5, 1873).

The opera was not staged in Moscow’s Bolshoi Theatre until December 16, 1888, after Mussorgsky’s death. According to established tradition the scenes in the monastery cell and at Kromy were not included.

In subsequent years it was invariably produced in the revised version made by Rimsky-Korsakov in 1896. A major event in its history was the appearance of Chaliapin in the title role (the first occasion was in the Mamontov Theatre in Moscow on December 7, 1898).

“Boris Godunov” is in the repertoire of nearly every opera house in the Soviet Union. It is presented in Rimsky-Korsakov’s version but with the inclusion of the original scene at St. Basil’s Cathedral (orchestrated by M.M. Ippolitov-Ivanov). As in Mussorgsky’s second version, it concludes with the scene of the revolt at Kromy.

THE CAST

Boris Godunov	Ivan Petrov (bass)
Fyodor } Boris' children	{ Valentina Klepatskaya (mezzo-soprano)
Ksenia }	{ Tamara Sorokina (soprano)
Ksenia's nurse	Yevgenia Verbitskaya (mezzo-soprano)
Prince Vasili Shuisky	Georgi Shulpin (tenor)
Shchelkalov, Duma clerk	Alexei Ivanov (baritone)
Pimen—hermit chronicler	Mark Reshetin (bass)
The Pretender Grigori	Vladimir Ivanovsky (tenor)
Marina Mniszek, daughter of the voivode of Sandomir	Irina Arkhipova (mezzo-soprano)
Rangoni, secret Jesuit	Yevgeni Kibkalo (baritone)
Varlaam } runaway monks	{ Alexei Geleva (bass)
Misail }	{ Nikolai Zakharov (tenor)
Innkeeper	Veronica Borisenko (mezzo-soprano)
Beggar Saint	Anton Grigoryev (tenor)
Nikitich, police officer	Leonid Ktitorov

USSR Bolshoi Theatre soloists, chorus and orchestra

Conductor Alexander Melik-Pashayev

Действие 3, картина I
Act 3, scene I
Troisième acte, scene I

PROLOGUE

Scene 1

A long-drawn-out, doleful melody of the unfortunate people is heard before the curtain is raised. A crowd of people is gathering at the Novo-Devichy Monastery, nobody really knows why. A police officer appears. Threatening the people with his club, he orders them to beg Boris to be Tsar of Russia. The people chant mournfully: "Do not leave us, dear father." Mityukha, one of the crowd who is watching the scene with interest, is asked: "Mityukh, hey Mityukh, why are we yelling?" "How do I know?" is the answer.

The Duma clerk Shchelkalov comes out of the monastery gates and informs the people that Boris refuses to be tsar.

Beggars are heard singing in the distance. "The holy men" call to the people "to don bright robes" and "sing praise to the tsar."

Scene 2

A square in the Moscow Kremlin. Church bells are ringing festively. The people sing glory to the new tsar: "Glory to the bright sun in the sky!" Boris Godunov appears. He is oppressed by an evil presentiment ("My heart grieves."). The scene closes with the coronation ceremony.

ACT I

Scene 1

A cell in the Chudovo Monastery. A brief instrumental introduction is suggestive of the monotonous creaking of the chronicler's quill pen:

"Just one more legend and my chronicle will be complete." Dawn is breaking. Singing of monks is heard off-stage. Grigori wakes up. He is excited by his repeated dream—as though he climbs a steep staircase from the top of which the whole of Moscow can be viewed. Trying to suppress the youth's ambitious aspirations, Pimen tells him about the tsars who frequently exchanged "their royal staff for the modest cowl of a monk." But Grigori wants to hear more about the murder of little Prince Dmitri. "He would have been your age, and would have reigned..." These words have a startling effect upon Grigori. (The broad, song-like theme of Prince Dmitri appears in the orchestra; in the future it will recur at every mention of the murdered infant and every appearance of the Pretender). Church bells are heard calling for matin. Pimen goes out of the cell. Grigori is left alone: "Boris! Boris! None dare remind you of the murdered infant... But you will not escape the judgement of the people and God's punishment."

Scene 2

An inn on the Lithuanian border. The scene is preceded by an orchestral introduction: one after another three themes are announced, characterizing the runaway monks Varlaam and Misail, and Grigori who came here with the intention of making his way into Lithuania. The scene opens with the woman innkeeper singing a jolly song about a grey drake. Beggars' voices are heard off-stage, begging for alms.

Varlaam and Misail enter. With them is Grigori dressed as a peasant. While the innkeeper prepares their meal, Varlaam tries to get from Grigori the reason for his nervousness... Holding up a glass of wine, the monk sings a gay song about Ivan the Terrible's campaign against Kazan (" 'Twas in the town of Kazan"). Bitterness and grief of a man whom life has driven to drink and tramping are heard in another of his songs ("He rides"). Meanwhile Grigori gets the innkeeper to tell him how to get to Lithuania. From her he learns that there are guards stationed all along the border with the orders to detain everyone who attempts to cross into Lithuania. "Someone's escaped from Moscow." Suddenly knocking is heard, and policemen burst into

the inn. Their appearance is preceded by a dull, driving motif. In panic the monks jump from their seats and begin to chant at the top of their lungs: "We are holy men, honest monks, we walk through villages, begging for alms." Varllam's appearance arouses the policemen's suspicion. Pulling out the tsar's decree, they order the monk to read it. Grigori, the only literate man among them, offers to read it out loud. Glancing at Varlaam, Grigori begins to enumerate his distinctive characteristics: "Grey beard, fat belly, red nose." The policemen throw themselves upon Varlaam, but flinging them aside, the tramp snatches the decree from Grigori's hands and exclaims: "I'll read it syllable by syllable now that it's a matter of life and death for me." Grigori is exposed, but he succeeds in making his escape through the window.

ACT II

The royal chamber in the Moscow Kremlin. Ksenia, the daughter of Boris Godunov, is bewailing the death of her betrothed. To cheer her up, the nurse sings her a song about the gnat. Fyodor, Godunov's son, thinks up a jolly game. Suddenly Boris enters. He talks warmly to Ksenia and looks lovingly at his son who is pouring over a map of Moscow. Boris is beset by grievous thoughts, "Neither life, nor power, nor flattery" can cheer him up. He is driven to despair by the thought of the infant Dmitri of whose murder the people consider him guilty.

Boris' monologue is interrupted by shouts off-stage ("Shoo, shoo"). Fyodor comes in and explains the cause of the commotion. A parrot has bitten the nurses and they have raised a rumpus...

Shuisky enters. Feigning concern, he tells Boris about the appearance of a pretender who claims to be Prince Dmitri. Wishing to aggravate Boris' morbid imagination, Shuisky goes into details of the prince's murder. Boris can stand this no longer, and cries "No more." Shuisky exits triumphant. The chiming of the Kremlin clock is heard. In Boris' fevered mind, the music evokes visions of the murdered infant, "something shakes, grows and approaches." The dramatic tension reaches its climax. "Stop, stop, not I... I'm not your assassin."

ACT III

Scene 1

In Sandomir Castle Marina Mniszek is being entertained by her servant girls with a song, "On the azure Vistula," full of gracefulness and charm. Marina's aria "How boring," in the rhythm of a mazurka, paints the portrait of a proud and arrogant Polish noblewoman.

The ambitious woman dreams of ascending the throne of the Moscow tsars by marrying the Pretender. The Jesuit Rangoni demands this of her in the interests of the Catholic Church.

Scene 2

Marina promised to meet the Pretender at the fountain in the park. The enchanting music of the symphonic introduction is heard. Grigori dreams of his beloved.

Magnificently garbed guests pass through the park in a stately polonaise with Marina and her old father leading the dance. The arrogant cavaliers boast of the forthcoming victory over Moscow. The voices die away. The Pretender appears again, Marina comes to meet him. "O, how tedious and long were the minutes of waiting!" But Marina cuts short his confession. "It's not of love I came to talk to you," she exclaims. "No, not for words of love" has she come here. He "has forgotten the throne and the war against Tsar Boris." "Away, wretched tramp!..."

Insulted, Grigori reminds her of his claims to the throne. The militant theme of the Prince is heard. To make amends Marina vows eternal love. Follows a love scene.

Марина—Ирина Архипова
Marina—Irina Arkhipova
Marina—Irina Arkhipova

Самозванец—Владимир Ивановский
Pretender—Vladimir Ivanovsky
Imposteur—Vladimir Ivanovski

ACT IV

Scene 1

The square in front of St. Basil's Cathedral in Moscow. In the cathedral the Pretender is anathemized. The plain folk regard him as the escaped Prince Dmitri. Mityukha's story of how the deacon anathemized Grigori evokes general laughter: "The Prince should not worry that Grigori is anathemized... He's already approaching Kromy, they say! He'll help us and bring death to Boris and his offspring." Old folks admonish them, reminding them of the threat of prison and torture.

The Beggar Saint runs out onto the stage pursued by a crowd of boys. Sitting down on a stone he sings a senseless doleful song: "The moon rides, the kitten cries." The boys surround him, snatch a coin from his hand and run away. The poor wretch cries bitterly. The hungry people are groaning. Boris comes out of the cathedral followed by Shuisky and the boyars. From all sides people stretch out their hands to him: "Bread, bread, we're hungry!" The horrible cries of the despairing people conceal a threat. The chorus subsides and merges with the Beggar Saint's wailing: "Boris! Hey, Boris! They've hurt me. The boys have taken away my copper, order them to be slain like you slaughtered the little prince." With a gesture of command Boris stops Shuisky from ordering the beggar's arrest, and asks the latter to pray for him. "No, Boris! One cannot pray for Tsar Herod!" The people disperse in panic. Left alone, the Beggar Saint resumes his song full of boundless sorrow: "Flow, flow bitter tears. Soon the enemy will come and darkness will fall..."

Scene 2

Granovitaya Chamber in the Moscow Kremlin. The Boyar Duma adopts a decision to execute "the brigand, thief and tramp"—the Pretender. Shuisky enters and tells the boyars about Boris' horrible visions. His story is interrupted by the appearance of the tsar. Wild-eyed, he is driving away the vision, "Off with you, child!"

Coming to his senses Boris asks the boyars for advice and help. Shuisky asks permission to bring in an old man who wishes to disclose a great secret to the tsar. The austere theme of the old chronicler appears in the orchestra. Pimen enters. His story about the dead prince whom the people have elevated to a saint, is like an indictment of the tsar. Crying out "I am suffocating," Boris falls senseless to the floor. Prince Fyodor runs in. "Farewell, my son. I am dying..." The last words of advice to his son are full of royal dignity. Off-stage the melancholy ringing of a church-bell is heard, then sounds of burial service, a chorus sings. "This, this is your tsar..." Boris exclaims pointing to his son, and expires...

Scene 3

A clearing in the forest near Kromy. The scene is opened by a brief introduction. Before the curtain rises excited shouts are heard. A crowd of people is dragging a bound boyar, then sits him on a tree stump. Before making short shrift of "Boris' voy-

vode," the people "want to have some fun." The chorus strikes up a celebrating song: "Tis not a falcon that flies in the sky..." Surrounded by little boys the Beggar Saint runs out on the stage.

Like in the scene at St. Basil's Cathedral, he sings his doleful song. Misail and Varlaam appear. ("The Sun and the Moon have grown dim..."). They keep singing their song, like an invocation, arousing a fresh upsurge of hatred for Boris. Like a sea that has overflowed its shores, the mighty song of the rebellious power of the people bursts forth.

Suddenly church singing is heard. Polish preachers at the head of the Pretender's army are singing their psalms in Latin. With shouts "kill the cursed ravens," the crowd attacks the Jesuits, binds them and drags them into the forest. They are rescued by the appearance of the Pretender. Singing glory to the prince who was "saved by God's will," the crowd rushes after him "to Moscow, to the gold-domed Kremlin." Distant ringing of an alarm bell is heard, the flow of a mighty conflagration is seen in the distance. The Beggar Saint is left alone on the stage. Like the voice of the earth, his wail is heard: "Woe, woe to Russia! Wail, wail Russian folk."

MOUSSORGSKY

BORIS
GODOUNOV

Drame populaire musical
en 4 actes et prologue

SOLISTES, CHOEUR ET ORCHESTRE DU THEATRE BOLCHOI

Direction: ALEXANDRE MELIK-PACHAEV

«Je vois dans le peuple une grande personnalité animée par une même idée. C'est ce que j'ai tenté d'exprimer dans mon opéra», disait Moussorgsky définissant le dessein de «Boris Godounov».

Personne, même Glinka dans son opéra patriotique héroïco-tragique «Ivan Soussanine» n'avait pas montré sur une scène d'opéra avec tant de vérité la masse paysanne et jamais une si grande place ne lui avait été réservée dans la construction de l'action. Pour la première fois on entendait résonner dans l'opéra russe les années soixante, la plainte du peuple opprimé, ses gémissements, sa colère. Le dessein révolutionnaire de l'opéra se manifeste avec éclat dans la scène géniale de l'insurrection populaire «Devant Kromy» (tableau final). Tel une explosion de colère populaire contre le tsar Boris et les «chiens de Boris» dans lesquels le peuple voit les principaux coupables de leurs malheurs, s'élève, balayant tout sur son passage, la chanson puissante de la vaillance, de la force rebelle du peuple.

L'idée d'un opéra tiré de la tragédie historique de Pouchkine fut donnée à Moussorgsky par son ami et admirateur, l'historien de la littérature russe V.V. Nikolski. C'était en 1868. A cette époque le compositeur manifestait dans ses œuvres un penchant prononcé pour la représentation de la vie populaire russe et un grand talent d'artiste démocrate réaliste. La proposition de Nikolski le passionna. Tout en composant, il se plongea dans l'étude des documents historiques de l'époque, aidé en cela par V.V. Stassov qui lui cherchait des paroles de chansons populaires, lui fournissait une documentation puisée à diverses sources historiques.

Le 15 décembre 1869 l'opéra (qui se terminait alors par la scène de la mort de Boris), fut soumis au jugement de la direction et... rejeté. Rimsky-Korsakov écrivait à ce sujet: «La nouveauté de cette musique inhabituelle avait mis le vénérable comité dans une impasse».

Sur les instances de ses amis, Moussorgsky reprit son opéra et lui fit subir des modifications radicales. La nouvelle

version comportait une foule de menus compléments, deux tableaux polonais (Marina Mnichek à Sandomir, la scène d'amour devant la fontaine) et la scène de l'insurrection populaire devant Kromy. Il agrandit considérablement la scène du térem, y ajouta un grand nombre d'épisodes décrivant les «us et coutumes du térem» empruntés par Moussorgsky à l'«Histoire de l'Etat de Russie» de Karamzine (la chanson de la nourrice sur le moustique, le jeu de «khlest», Fédor racontant l'histoire du perroquet, les fameux carillons). La musique des lamentations de Xénia de l'introduction et le monologue de Boris furent aussi modifiés. La scène devant la cathédrale de Vassili le Bienheureux fut supprimée.

Cette deuxième version fut également rejetée et si pour finir elle fut tout de même acceptée (avec des coupures importantes) c'est grâce à l'actrice Y. Platonova qui déclara que ou bien le théâtre montait «Boris Godounov» ou bien elle quittait la troupe.

La première eut lieu à Pétersbourg le 27 janvier 1874. Trois tableaux (les deux tableaux polonais et la scène de l'auberge) avaient déjà été représentés sur la scène de ce théâtre au bénéfice du metteur en scène T. Kondratiev, le 5 février 1873.

«Boris Godounov» fut présenté au théâtre Bolchoï de Moscou après la mort du compositeur, le 16 décembre 1888. La scène de la cellule et la scène devant Kromy en étaient comme toujours absentes.

C'est dans la version de Rimsky-Korsakov (1896) que «Boris Godounov» poursuit ensuite sa carrière scénique. L'interprétation du rôle de Boris par Chaliapine fut un événement considérable de l'histoire de cet opéra (le célèbre chanteur interpréta pour la première fois Boris Godounov le 7 décembre 1898, au théâtre de S.I. Mamontov à Moscou).

En URSS, «Boris Godounov» est monté par presque tous les théâtres d'opéra du pays. Il est représenté dans la version de Rimsky-Korsakov à laquelle a été ajoutée la scène manquante de la cathédrale de Vassili le Bienheureux (orchestration de M.M. Ippolitov-Ivanov). Comme chez Moussorgsky, l'opéra se termine par l'insurrection populaire devant Kromy.

Перед собором Василия Блаженного
(действие 3, картина 2)
The Scene before St. Basil's Cathedral
(Act 3, scene 2)
Devant la cathédrale de Vassili le Bien-
heureux (troisième acte, scène II)

PROLOGUE

Premier tableau

Avant le lever du rideau, la mélodie lente et triste d'un peuple infortuné résonne dans l'orchestre. Le peuple se rassemble devant le monastère de Novo-Dévitchié. Personne ne sait au juste pourquoi. Mais voici le commissaire de police à la porte du monastère. Agitant sa matraque il ordonne d'implorer Boris de monter sur le trône. Le peuple se lamente: «Pour qui, père, nous abandonnes-tu». Ils demandent à Mitioukha qui observe la scène: «Mitioukh, dis, Mitioukh, pourquoi crions-nous?», «Le sais-je».

Le clerc Chtchelkalov apparaît à la porte du monastère. Boris, dit-il, ne consent pas à devenir tsar: «Le boyard est inflexible...»

On entend le chant des moines mendiants. Ils appellent le peuple à «revêtir les claires chasubles» et à «accueillir le tsar».

Deuxième tableau

La place du Kremlin de Moscou. Les cloches sonnent solennellement. Le peuple célèbre le nouveau tsar: «Beau soleil, gloire à toi». Boris Godounov apparaît. Un pressentiment funeste l'étreint («L'âme est affligée...»). Le tableau s'achève par la cérémonie du couronnement.

PREMIER ACTE

Premier tableau

Une cellule au monastère de Tchoudovo. La courte introduction instrumentale reproduit le crissement monotone de la plume du moine chroniqueur: «Une dernière légende et ma chronique est terminée». Le jour naît. A la cantonade, le chant des moines. Grigori s'éveille, agité. Un rêve obsédant a troublé son sommeil; il se voyait gravissant un escalier raide du haut duquel on découvre tout Moscou. Pimen tente d'apaiser l'ambition du jeune homme, il lui parle des tsars qui troquèrent souvent «la crosse des tsars contre l'humble froc des moines». Mais c'est à la mort du tsarévitch Dmitri qu'il porte le plus d'intérêt: «Il aurait ton âge et régnerait...»

A ces mots Grigori se métamorphose (le thème large et mélodieux du tsarévitch Dmitri apparaît dans l'orchestre; par la suite il accompagnera non seulement toute évocation de l'enfant assassiné, mais toutes les apparitions de l'Impos- teur). On sonne les matines. Le chroniqueur Pimen part. Grigori reste seul dans la cellule:

Boris, Boris. Tout frémit devant toi
Personne n'ose évoquer
Le sort du malheureux enfant
Et pourtant l'ermite dans sa sombre cellule
Ecrit sur toi une dénonciation terrible

Tu n'échapperas pas au jugement des hommes
Comme tu n'échapperas pas au jugement divin.

Deuxième tableau

Une auberge à la frontière lituanienne. L'action scénique est précédée par une introduction orchestrale: l'un après l'autre se déroulent trois thèmes caractérisant les moines évadés Varlaam, Missaïl et Grigori l'imposteur qui tente de passer en Lituanie. Au lever du rideau, l'aubergiste se fait belle, chante la chansonnette du canard aux plumes bleues. De la coulisse parviennent des voix de mendiants demandant la charité.

Entrent les «honnêtes vieillards», Varlaam et Missaïl accompagnés de Grigori déguisé en paysan. Tandis que l'aubergiste prépare les mets, Varlaam cherche à arracher à Grigori le secret de ses soucis... Une bouteille à la main, le moine entonne une chanson redoutable du tsar en marche sur la ville de Kazan («A Kazan il était»). L'amertume, l'insondable tristesse d'un être que l'inanité de la vie a conduit à l'ivrognerie et au vagabondage résonnent dans une autre chanson («Comme il va»), qu'il chante, complètement affalé

sur la table. Pendant ce temps, Grigori demande à l'aubergiste le moyen de passer en Lituanie. Celle-ci lui dit qu'on a établi partout des barrages de police: «Quelqu'un s'est enfui de Moscou, il y a ordre de contrôler tout le monde...» Soudain, on frappe à la porte. Les gendarmes font irruption dans l'auberge. Leur apparition est précédée par le motif de la stupidité, de la contrainte. Les moines effrayés se lèvent précipitamment, protestent de leur innocence: «Nous sommes d'humbles vieillards, d'honnêtes moines, nous allons dans les villages demander la charité». L'air de Varlaam éveille chez les gendarmes l'espoir du gain. Ils tendent au moine stupéfait l'ukaze relatif à l'hérétique en fuite Grichka Otrépiev. Comme étant le seul sachant lire de toute l'assistance, Grigori le lit à haute voix. Il énumère le signalement du fuyard («Barbe grise, gros ventre, nez rouge») en jetant des regards sur Varlaam. On se précipite sur celui-ci mais le vagabond écarte ses assaillants, arrache l'ukaze des mains de Grigori et lit à haute voix: «Je sais seulement épeler, mais puisqu'il est question de corde, je m'y retrouverai bien». La fraude est démasquée, le fuyard reconnu. Mais Grigori a le temps de sauter par la fenêtre et de disparaître.

Deuxième acte

Un téréem au Kremlin de Moscou. Xénia, fille de Boris Godounov, pleure, inconsolable, la mort de son fiancé. Pour l'égayer, sa nourrice lui chante la chanson du moustique. Fédor, fils de Godounov, imagine le jeu de «khlest». Soudain Boris entre. Il console tendrement Xénia, considère avec joie son fils penché sur la carte «de la terre de Moscovie». Des pensées angoissantes obsèdent Boris. «Ni la vie, ni le pouvoir, ni la gloire» sont impuissants à le déridier. Tout son être est agité par la pensée de l'enfant ensanglanté, de Dmitri que le peuple l'accuse, lui Boris, d'avoir assassiné.

Des cris venant soudain de la coulisse («ch... ch...») interrompent le monologue de Boris. Fédor qui revient explique la cause du désordre: le perroquet voulait «becqueter» les nourrices, et elles se sont mises à crier...

Entre Chouïsky. Avec compassion fainie, d'une voix insinuante il annonce l'apparition en Lituanie d'un Imposteur prénommé Dmitri, puis pour frapper l'imagination malade de Boris, il abonde en détails sur l'assassinat du tsarévitch. Boris n'y tient plus: «Assez!» Chouïsky part, triomphant en son for intérieur. Le carillon sonne. Boris en proie à une

DISTRIBUTION

Boris Godounov	Ivan Pétrov (basse)
Fédor	Valentina Klépatkaïa (mez-zo-soprano)
Xénia	Tamara Sorokina (soprano)
La nourrice de Xénia	Evguénia Verbitskaïa (mezzo-soprano)
Le prince Vassili Ivanovitch Chouïski	Guéorgui Choulpine (ténor)
Chtchelkalov, clerc	Alexis Ivanov (baryton)
Pimen, chroniqueur ermite	Marc Réchéline (basse)
Un Imposteur de nom de Grigori	Vladimir Ivanovski (ténor)
Marina Mnichek, fille du voïévode de Sandomir	Irina Arkhipova (mezzo-soprano)
Rangoni, jésuite	Evguénii Kibkalo (baryton)
Varlaam	Alexis Guéléva (basse)
Missaïl	Nicolaï Zakharov (ténor)
L'aubergiste	Véronika Borissenko (mezzo-soprano)
L'Innocent	Anton Grigoriev (ténor)
Nikititch, commissaire de police	Léonide Ktitorov

Solistes, chœur et orchestre du théâtre Bolchoï

Direction: Alexandre Mélik-Pachaev

Перед собором Василия Блаженного
(действие 3, картина 2)
The Scene before St. Basil's Cathedral
(Act 3, scene 2)
Devant cathédrale de Vassili le Bien-
heureux (troisième acte, scène II)

hallucination croit reconnaître dans leur musique quelque chose qui «ondule, grandit, s'approche...» et l'enfant ensanglanté lui apparaît. La tension dramatique atteint sa plus haute expression. «Halte, halte... Non, ce n'est pas moi, pas moi!»

TROISIÈME ACTE

Premier tableau

Au château de Sandomir, les jeunes filles chantent pour divertir Marina Mnichek qui s'ennuie. Le chœur «Sur la Vistule bleue» est plein de grâce et d'élégance. L'air de Marina «Qu'il est dur», exécuté sur un rythme de mazurka, fait le portrait d'une Polonaise fière et hautaine.

L'ambitieuse Polonaise qui rêve de monter sur le trône des tsars de Moscovie, veut séduire l'Imposteur. C'est aussi ce qu'exige, pour servir les intérêts de l'Eglise catholique, le jésuite Rangoni.

Deuxième tableau

Marina a donné rendez-vous à l'Imposteur dans le jardin, près de la fontaine. L'enivrante musique de l'introduction symphonique s'élève. L'Imposteur rêve à sa bien-aimée.

Aux sons d'une polonaise le brillant cortège des invités traverse le jardin. Marina va en tête, au bras d'un vieux seigneur. Les belliqueux cavaliers se vantent déjà de la prochaine conquête de la Moscovie. Mais les voix se sont tues. L'Imposteur revient, Marina va à sa rencontre. «Oh, combien triste et longue fut l'attente!» Mais la belle Polonaise se moque et interrompt brutalement les effusions de cœur de l'élu. «Non, ce n'est pas pour l'entendre parler d'amour» qu'elle est venue. L'amour lui a fait oublier le trône, la lutte contre le tsar Boris. «Arrière, insolent vagabond... Serf!»

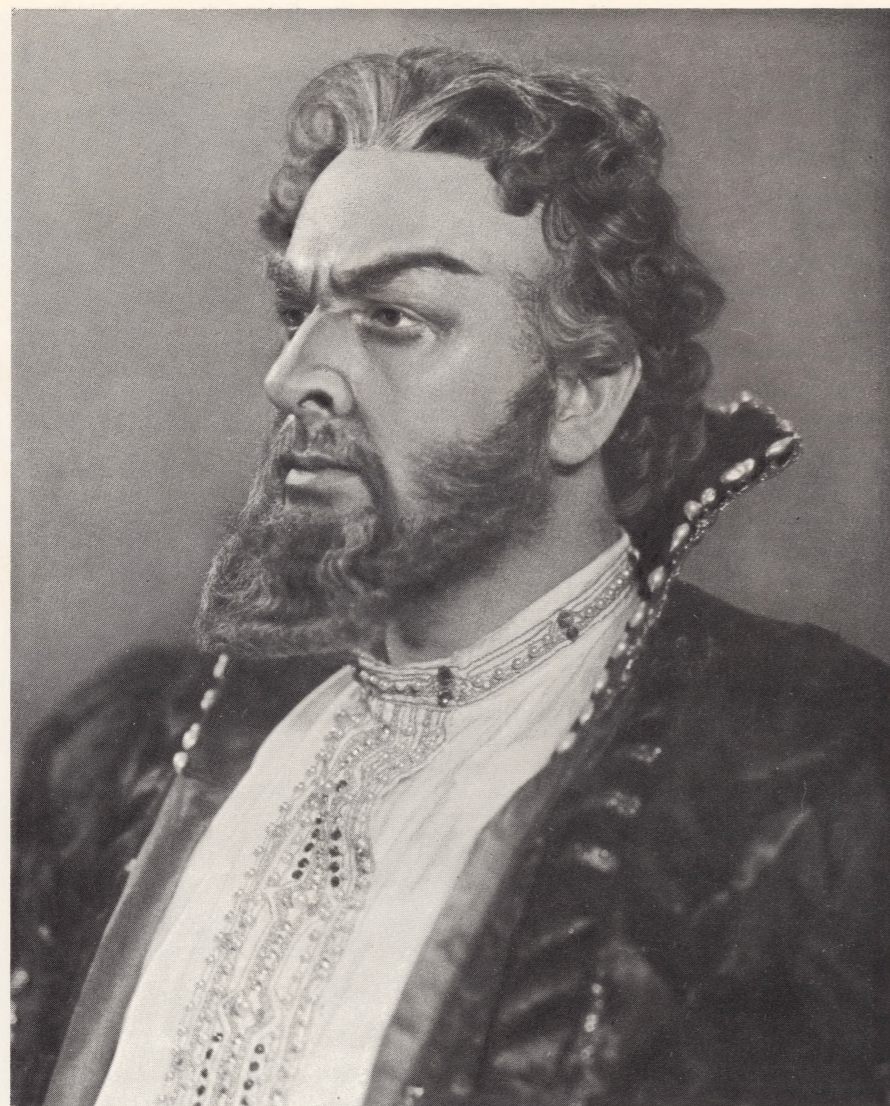
Insulté, Grigori lui rappelle sa royale prédestination. Le thème du tsarévitch résonne, belliqueux. Marina se hâte de réparer sa faute, elle assure l'Imposteur de son tendre amour. Déclarations d'amour, enthousiasme, séduction, tout se fond en un seul élan.

QUATRIÈME ACTE

Premier tableau

Place devant la cathédrale de Vassili le Bienheureux à Moscou. Dans la cathédrale on prononce la malédiction de l'Imposteur. Le peuple, lui, voit en Grichka (Grigori) le tsarévitch sauvé. Lorsque Mitoukha raconte qu'un diacre a frappé Grichka d'anathème, il soulève les rires: «Le tsarévitch se moque bien que Grichka soit frappé d'anathème... On dit qu'il est venu devant Kromy... Pour nous aider, pour battre Boris et les chiens de Boris». Les vieillards font taire les imprudents, ils leur rappellent les geôles.

Entre l'Innocent suivi d'une troupe de gamins. Assis sur une pierre, il chante une chanson absurde et plaintive: «La lune voyage, le chaton pleure». Les enfants entourent l'Innocent, lui arrachent un kopeck et s'enfuient. L'Innocent fondit en larmes amères. Le peuple affamé gémit. De la cathédrale sort Boris, suivi par Chouïsky et les boyards. Toutes les mains se tendent vers le tsar: «Du pain, du pain!

Борис—Иван Петров
Boris—Ivan Petrov
Boris—Ivan Petrov

Pour les affamés!» Une menace secrète perce dans les cris du désespoir populaire. Mais le chœur s'est tu, de nouveau s'élèvent les lamentations de l'Innocent: «Boris! Boris! On a fait de la peine à l'Innocent... Les gamins lui ont pris son kopeck. Fais-les égorger, comme tu as égorgé le petit tsarévitch». Arrêtant d'un geste impérieux Chouïsky qui ordonnait d'arrêter l'Innocent, Boris lui dit de prier pour lui. «Non, Boris. On ne prie pas pour le roi Hérode...» Le peuple épouvanté se disperse. Resté seul l'Innocent reprend sa triste chanson: «Coulez, coulez larmes amères. Bientôt viendra l'ennemi, et les ténèbres nous envelopperont...»

Deuxième tableau

La Salle des Facettes au Kremlin de Moscou. La Douma des boyards décrète de juger l'Imposteur «brigand, voleur et vagabond». Tous regrettent l'absence de Chouïsky. Celui-ci arrive et raconte aux boyards les visions cauchemaresques de Boris. L'arrivée du tsar l'interrompt. Torturé, l'air insensé, il repousse l'horrible vision: «Halte, halte, enfant!...»

Quand il a repris ses esprits, Boris demande aux boyards aide et conseil. Chouïsky le prie de faire entrer un vieillard

qui désire dévoiler un grand mystère au tsar. Dans l'orchestre apparaît le thème sévère du vieux chroniqueur. Entre Pimen. Son histoire du tsarévitch mort dont le peuple a fait un martyr résonne comme la sentence du tsar-assassin. En criant «l'étouffe», Boris s'écroule, sans connaissance. Le tsarévitch Fédor accourt à l'appel du mourant. «Adieu mon fils. Je meurs...» Ses dernières paroles sont imprégnées de majesté... Dans la coulisse on sonne le glas, on joue une musique funèbre, les chantres chantent. «Voici votre tsar...» dit Boris en montrant son fils aux boyards, et il meurt...

Troisième tableau

Une clairière aux environs de Kromy. Le tableau commence par une petite introduction. Avant le lever du rideau on entend des cris excités. La foule traîne un boyard ligoté et l'assied sur une souche. Avant de supplicier le «voïévode de Boris», ils veulent le «glorifier» histoire de rire. Le chœur entonne une chanson laudative «Ce n'est pas le faucon qui vole dans les cieux...». L'Innocent entre entouré des enfants.

Comme dans la scène de la cathédrale de Vassili le Bienheureux, il chante sa chanson plaintive. Missaïl et Varlaam

arrivent («Le soleil, la lune se sont éteints...»). Avec l'obstination d'un exorciseur, ils «ressaisissent» leur couplet, excitant une nouvelle explosion de haine populaire vis-à-vis de Boris. Un chant libre et puissant s'élève, tumultueux comme les vagues de la mer.

Un cantique retentit soudain. Ce sont les prédicateurs polonais qui marchent en tête des troupes de Dmitri. Aux cris de «maudites âmes de corbeaux» la foule se jette sur les jésuites, les ligote et les traîne dans la forêt. Les indésirables ne sont sauvés que par l'arrivée de l'Imposteur. Tout en célébrant le «tsarévitch sauvé par Dieu», la foule le suit «à Moscou, au Kremlin aux toits dorés». On entend les coups sourds du tocsin, les lueurs d'un violent incendie apparaissent.

“Под Кромами” (действие 4, картина 2)
Scene at the Kromy
Devant Kromy (quatrième acte, scène II)

sent au loin. Sur la scène il ne reste plus que l'Innocent. Telle la voix de la Terre elle-même, ses lamentations s'élèvent: «Malheur, malheur à la Russie! Pleurez, pleurez, gens de Russie!»

“Под Кромами” (действие 4, картина 2)
Scene at the Kromy
Devant Kromy (quatrième acte, scène II)

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
СТЕРЕО 33

АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

TV-43.10.1.74
1 (8 сторон)
33CM-0413(a)

MADE IN USSR
Вторая гр.

М. МУССОРГСКИЙ. БОРИС ГОДУНОВ
M. MOUSSORGSKY (1839-1881)
BORIS GODUNOV. Folk musical drama
in 4 acts, with prologue
Version by N. Rimsky-Korsakov
PROLOGUE. SCENE 1—The yard of Novo-Devichy
Monastery near Moscow
SCENE 2—Square in the Moscow Kremlin
Guard—L. KITTOROV
Shchelkalov—Al. IVANOV
Shuisky—G. SHULPIN
Boris Godunov—I. PETROV
USSR Bolshoi Theatre Choir and Orchestra
Conductor A. MELIK-PASHAEV

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
СТЕРЕО 33
АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

TU-43.10.1.74
2 (8 сторон)
33CM-0414(a)

MADE IN USSR
Вторая гр.

М. МУСОРГСКИЙ, БОРИС ГОДУНОВ
M. MOUSSORGSKY (1839-1881)
BORIS GODUNOV, Folk musical drama
ACT I, SCENE 1
Night. Cell in the Chudov Monastery
Pimen—M. RESHETIN
The pretender Grigor—V. IVANOVSKY
USSR Bolshoi Theatre Choir and Orchestra
Conductor A. MELIK-PASHAEV

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
СТЕРЕО 33
АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
3 (8 сторон)
33СМ—0415[a]

MADE IN USSR
Вторая гр.

М. МУСОРСКИЙ, БОРИС ГОДУНОВ
M. MOUSSORGSKY (1839—1881)
BORIS GODUNOV
Folk musical drama
ACT I. SCENE 2
An inn on the Lithuanian border
Woman innkeeper—V. BORISENKO
Misail—N. ZAKHAROV, Varlaam—A. GELEVA
ACT II. The royal chamber in the Moscow Kremlin
Ksenia—T. SOROKINA
Nurse—E. VERBITSKAYA
Feodor—V. KLEPATSKAYA
USSR Bolshoi Theatre Choir and Orchestra
Conductor A. MELIK-PASHAEV

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
СТЕРЕО 33
АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
4 (8 сторон)
ЗЗСМ—0416[а]

MADE IN USSR
Вторая гр.

М. МУСОРСКИЙ. БОРИС ГОДУНОВ
M. MOUSSORGSKY (1839—1881)
BORIS GODUNOV
Folk musical drama
ACT II (end)
Attending boyard—A. MISHUTIN
USSR Bolshoi Theatre Orchestra
Conductor A. MELIK-PASHAEV

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
СТЕРЕО 33

АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
5 (8 сторон)
ЗЗСМ—0417[а]

MADE IN USSR
Вторая гр.

М. МУСОРСКИЙ. БОРИС ГОДУНОВ
M. MOUSSORGSKY (1839—1881)
BORIS GODUNOV
Folk musical drama
ACT III. SCENE 1
Marina Mnitzek's chamber in Sandomir
Marina—I. ARKHIPOVA
Rangoni—E. KIBKALO
SCENE 2. Mnitzek's castle in Sandomir
Garden, fountain
USSR Bolshoi Theatre Choir and Orchestra
Conductor A. MELIK-PASHAEV

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
СТЕРЕО 33
АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

TU-43.10.1.74
6 (8 сторон)
33CM-0418(a)

MADE IN USSR
Вторая гр.

М. МУСОРСКИЙ. БОРИС ГОДУНОВ
M. MOUSSORGSKY (1839-1881)
BORIS GODUNOV. Folk musical drama
ACT III, SCENE 2 (end)
ACT IV, SCENE 1
Scene at St. Basil's Cathedral
Beggar Saint—A. GRIGORIEV
USSR Bolshoi Theatre Choir and Orchestra
Conductor A. MELIK-PASHAEV

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
СТЕРЕО 33
АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
7 (8 сторон)
ЗЗСМ—0419[а]

MADE IN USSR
Вторая гр.

М. МУСОРСКИЙ. БОРИС ГОДУНОВ
M. MOUSSORGSKY (1839—1881)
BORIS GODUNOV
Folk musical drama
ACT IV. SCENE 2
Granovitaya chamber in the Moscow Kremlin
USSR Bolshoi Theatre Choir and Orchestra
Conductor A. MELIK-PASHAEV

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
СТЕРЕО 33
АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
8 (8 сторон)
ЗЗСМ—0420(a)

MADE IN USSR
Вторая гр.

М. МУСОРСКИЙ. БОРИС ГОДУНОВ
M. MOUSSORGSKY (1839—1881)
BORIS GODUNOV
Folk musical drama
ACT IV, SCENE 3
Clearing in the forest near Kromy
USSR Bolshoi Theatre Choir and Orchestra
Conductor A. MELIK-PASHAEV